Только у нас

мнению, следует поступить и с выражениями нежности, вырывающимися по временам у Императрицы в переписке с Потёмкиным... Что касается некоторых заметок по делам Польши, рассеянных в разных местах «Сборника», то, по моему мнению, цензурный комитет приписывает им больше важности, нежели сколько они её действительно имеют... Полагая со своей стороны возможным дозволить в печать эти заметки, я однако же, по важности самого предмета их, решительное заключение об этом имею честь представить на благоусмотрение Совета»[1]. Весьма лояльно отнёсся Иван Александрович и к высказываниям императора Павла, приведённым в рукописи: «Краткие заметки Императора (стр. 921) о том, что от частых наборов (рекрутских. - **Ж. Т.**) земля обессиливает и люди беднеют (эта аксиома так всем известна, что слишком наивно бы было со стороны цензуры не давать ей хода в печати), а другая о том, что надо пользоваться с толком слепым повиновением народа»[2].

«В записке Потёмкина о военной одежде, с 19 по 27 стр., - говорится в отзыве Гончарова о 3-ем томе «Сборника» Лебедева, - мастерски изложены неудобства тогдашней солдатской формы: это, я полагаю, составляет один из любопытнейших и драгоценных исторических материалов для военной истории, потому что в нём выражается отчётливый взгляд замечательного военного деятеля на такой важный предмет, как солдатское одеяние. Не будучи военным, можно видеть, что резкого или оскорбительного для военного звания в этом полном и довольно подробном очерке неудобств прежней одежды ничего нет, и потому желательно бы было сохранить в печати этот документ вполне. Отзывы Суворова о том же предмете, сохранённые и некогда переданные в свет его секретарём Фуксом, были гораздо резче, но и они, кроме, вероятно, пользы, других последствий не произвели».

К числу самых важных документов «Сборника», свидетельствующих о том, что «мысли Потёмкина о польских делах и вся наша политика - как тогдашняя, так и нынешняя, - были только вынужденным и необходимым ограждением России от польского влияния, относится, без сомнения, перевод поданного в Варшаве в Сейм проекта об учреждении Греческой иерархии в Польше. Крайне полезно бы было сохранить этот документ для печати вполне как новое свидетельство, раскрывающие замыслы и систему действий поляков, но, к сожалению, кажется, это неудобоисполнимо. Цензурный комитет полагает, что этот документ подлежал бы обсуждению духовной цензуры: я с этим не совсем согласен, ибо если автор (польский. - **Ж. Т.**) заблуждается в своём историческом воззрении на внешнее различие Греческой и Римской церквей (догматов он не касается), или объясняет это иначе, нежели установлено в нашей церкви, то едва ли это может иметь какое-нибудь влияние на русского читателя. Во всём этом документе, по моему мнению, нет ничего такого, чего бы не могла решить общая цензура, без содействия духовной...

«В указе Суворову (стр. 848 по 863 стр.), - говорится далее в отзыве романиста, - изложены подробные наставления, как поступить с королём и с покорённой Варшавой. Здесь Императрица диктует свою волю, как победительница, и потому меры, ею предписываемые, отнюдь не имеют характера политических тайных замыслов и компрометировать Россию в глазах Европы не могут; притом взятие Варшавы Суворовым и все последствия давно сделались известным всему свету достоянием истории».

Думается, что даже краткий и неполный пересказ содержания отзыва Гончарова на фундаментальный «Сборник материалов, относящихся к состоянию России и российского войска при Екатерине II» позволяет считать, что Иван Александрович с присущей ему добросовестностью и дотошностью вникал как в содержание трёхтомной рукописи П. С. Лебедева, так и мнений об этом труде членов цензурного комитета. И как просветитель

[1] *Котельников В. А. Указ. соч. С. 40.*

[2] *Там же.*

седании Совета по делам печати Гончаров высказывается против объявления второго предостережения «Московским ведомостям», способствуя тем самым принятию менее жесткой кары - судебного преследования. Зато его оппоненты 6 и 7 мая вынесли «Московским ведомостям» второе и третье предупреждения, с приостановлением издания на два месяца.

На заседании 7 мая произошёл эпизод, запомнившийся князю В. П. Мещерскому. Фёдор Иванович Тютчев после того, как Совет принял решение о приостановлении издания «Московских ведомостей», раскланялся и вышел из зала заседаний: «Вышедший вскоре за ним Иван Александрович обратился к поэту с задушевными словами: «Фёдор Иванович, преклоняюсь пред Вашею благородною решимостью и вполне Вам сочувствую, но для меня служба - насущный хлеб старика». А через два дня романист обращается с прошением к министру внутренних дел с прошением о предоставлении заграничного отпуска на четыре месяца для прохождения курса лечения по совету врачей.

17 мая Иван Александрович в отзыве о 3-ей части сочинений Д. И. Писарева заявляет, что в книге нет ничего «противного цензурным правилам» и, следовательно, она «не может подлежать ни административному, ни судебному преследованию». 25-го числа, в отзыве на русский перевод книги «История французской революции» Т. Карлейля, он выразил согласие с мнением Московского цензурного комитета о необходимости судебного преследования книги. На следующий день, считаясь уже в отпуске, он сообщил своим спутникам по путешествию за границу - домохозяину генерал-майору Михаилу Михайловичу Устинову и сослуживцу по цензурному ведомству Василию Матвеевичу Лазаревскому, что 29 мая остаётся днём отъезда в Берлин.

Надо сказать, что эти попутчики были незаурядными людьми. Устинов - богатый помещик Саратовской губернии и видный дипломат - был посланником России в Турции, а затем членом Совета Министерства иностранных дел. В его двухэтажном каменном особняке на Моховой улице с 1857 года квартировал Иван Александрович, любезно общавшийся и с женой домовладельца Софьей Андреевной, и с его полным тёзкой сыном-полковником, и с внуком, тоже Михаилом Михайловичем, которому в 1866 году было 25 лет, и при котором как домовладельце романист будет квартировать последние 13 лет своей жизни. Что касается В. М. Лазаревского, кандидата столичного университета, то Иван Александрович знал его как составителя «Полного малороссийского словаря», «Географического словаря», переводчика Мольера и Бомарше, автора оригинальных произведений, друга Некрасова. Небезынтересно, что Некрасов, работая над поэмой «Княгиня Волконская», прибегал к консультациям Гончарова и Лазаревского[10].

Второго июля поезд доставил Ивана Александровича и его спутников в Берлин, откуда он отправился в Мариенбад. Но из-за начавшейся войны Австрии с Пруссией жизнь там оказалась неспокойной, не ладилась и работа над «Обрывом». Получив очередное приглашение И. С. Тургенева, он едет к нему в Баден-Баден, где вместе с ним неделю отдыхает. А затем отправляется в Париж, дружески общается там с Василием Боткиным и графом Алексеем Толстым, а в конце месяца едет в Булонь. В письме Софье Никитенко от 31 июля он сетует: «Я начал было писать, да не пишется, во-первых, ещё не обдумал Маркушку, во-вторых, не могу сосредоточиться, очень шумно вокруг». Приняв предписанные врачом морские ванны, Иван Александрович возвращается в Париж, где до 17 сентября отдыхает, посещает Лувр, другие достопримечательности. А 26-го числа возвращается из отпуска в Петербург, где прошёл 31 год службы и остался ещё один - последний, самый трудный.

[10] *Алексеев А. Д. Летопись жизни и деятельности И. А. Гончарова. С. 153.*

Бартенева, журнал «Северное сияние», издаваемый Владимиром Головиным и столичный журнал философии и педагогики «Радуга», редактируемый А. Бюргером.

Нетрудно представить глубокое удовлетворение Ивана Александровича, что именно ему поручено наблюдение за уникальным ежемесячным педагогическим и литературным изданием «Ясная Поляна», издателем, редактором и автором которого был замечательный писатель, педагог и просветитель Лев Николаевич Толстой, с которым ему довелось познакомиться в Петербурге после возвращения из плавания на фрегате «Паллада» и который навсегда останется для него одним из самых уважаемых художников слова России и оригинальным мыслителем.

Через пять дней после возвращения Ивана Александровича в Петербург, 30 августа, Высочайшим приказом по МВД он был назначен членом Совета Главного управления по делам печати. Этим же приказом начальником Совета был назначен бывший председатель Московского цензурного комитета 58-летний Михаил Павлович Щербинин, а членами - М. Н. Турунов, Н. В. Варадинов, Ф. М. Толстой и В. Я. Фукс. Как видим, сюда не был назначен даже академик А. В. Никитенко, и не случайно, ибо на заседаниях Совета по делам книгоиздания он в той или иной форме неоднократно отстаивал свои предложения, а также решения Совета, расходившиеся с мнением Валуева. В конце концов всесильный министр пригласил Никитенко к себе и недвусмысленно дал понять, что в Главном управлении по делам печати его инакомыслие будет жёстко пресекаться. Получив заверения, что если он сейчас же уйдёт на пенсию, то ему будут пожалованы чин тайного советника и усиленная пенсия, академик ушёл-таки в отставку.

Иван Александрович прекрасно знал, что близко знакомые ему Михаил Николаевич Турунов и Николай Васильевич Варадинов будут ревностными исполнителями любых указаний Валуева. Таким же послушным исполнителем воли начальства являлся и 45-летний Виктор Яковлевич Фукс, заведовавший в 1863-1865 годах делопроизводством прежнего Совета по делам книгопечатания. Что касается пятого члена нового Совета - 58-летнего Феофила Матвеевича Толстого, то Гончаров слышал о нём в 1830-х годах как об авторе оперы на итальянский текст, которая тогда же была поставлена в петербургском Большом театре, но успеха не имела. Большую популярность Толстому принесли написанные им около двухсот романсов для пения. В последние же десятилетия он выступал в печати как беллетрист, музыкальный и театральный критик, публиковавшийся под псевдонимом «Рославлев»[4].

Первое заседание Совета Главного управления по делам печати МВД состоялось 1 сентября, и в этот же день романист получил под расписку секретные экземпляры книг «Сборник распоряжений по делам печати с 1863 по 1 сентября 1865 года» и «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 годы». Во введении к «Собранию материалов», написанном самим Валуевым, утверждалось, что Гоголь, Лермонтов и Кольцов пользовались свободой творчества, но они не написали «ничего такого, что бы запрещено было печатать». А далее следовали примечательные для Ивана Александровича строки: «То же самое можно сказать и относительно лучших современных писателей наших, каковы: Гончаров, Тургенев, Островский, граф Л. Н. Толстой, кн. Вяземский, Тютчев, Майков и другие»[5].

4 сентября Иван Александрович познакомился с новым списком периодических изданий, порученных его наблюдению. На первом месте, вместо некрасовского «Современника, теперь значился журнал «Русское слово», главным публицистом которого являлся 25-летний выпускник столичного университета Дмитрий Иванович Писарев. И это несмотря на то, что за памфлет-прокламацию «Глупая книжонка Шедо-Ферроти» он уже три года находился в заточении в Петропавловской крепости. Не вошли в новый список журналы «Русский архив» и «Ясная Поляна». Зато романисту поручалось наблюдать за «Иллюстрированной газетой», «Энциклопедическим словарём», журналом «Современная медицина» и «Епархиальными ведомостями», то есть православной церковной газетой.

Кроме порученных Советом 17 периодических изданий романист просматривал и «Современник», где публиковался талантливый Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, и столичные газеты «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости», и «Московские ведомости». Но обстановка на заседаниях исключала теперь беспристрастное обсуждение злободневных вопросов. В дневнике Никитенко от 28 сентября появляется запись: «Гончаров говорил мне сегодня, что у них в Совете хаос; председатель М. П. Щербинин - полное ничтожество; во всём силится господствовать Фукс. Там вспоминали меня, говоря, что я один мог бы противодействовать.

Быв у князя Вяземского, - говорится дальше в дневнике, - я откровенно высказал ему, какую огромную ошибку сделал Валуев, приняв на свою личную ответственность дела печати и так обезличив Совет... В публике всеобщее негодование против Валуева. Хотели сделать предостережение «Дню» за его статью о духовной цензуре, да и не смели сформулировать этого. А Щербинин хвалится в Сенате, что они отдадут под суд И. С. Аксакова!»[6].

Между тем в печати стали появляться критические отклики на учреждение Главного управления по делам печати и введение в действие закона от 6 апреля 1865 года об отмене предварительной цензуры. Уже 20 сентября Иван Александрович пишет отзыв о № 31 и 32 газеты «День», в котором обращает внимание на передовые статьи, посвящённые отмене цензуры, и указывает, что газета «обнаружила крайний недостаток такта и неспособность пользоваться умеренно и разумно новым правом, с которым обращается, как дитя с огнём». Через неделю он составляет отзыв о книге Петра Алексеевича Бибикова «Критические этюды». Её автор, участник Крымской войны 1853-1856 годов, прошедший курс военной академии, в 1862 году ушёл в отставку и активно сотрудничал в «Современнике», «Искре», во «Времени» и «Библиотеке для чтения». В книге «Критические этюды» оказались, конечно, и остроумные, и довольно смелые критические высказывания по различным злободневным вопросам жизни. Иван Александрович в своём отзыве, не отвергая возможности судебного взыскания, в то же время предлагал не подвергать автора суду по той причине, что книга «составляет весьма незначительное явление в литературе», тогда как «процесс суда неминуемо придаст ей гласность и незаслуженное значение» . Увы, судебное преследование Бибикова за «Критические этюды» всё же состоялось, и он был подвергнут 7-дневному аресту на военной гауптвахте. И этот факт вошёл в «Большую энциклопедию», вышедшую в 1904 году в Петербурге[7].

В отзыве на газету «День» от 5 октября Иван Александрович заметил, что автор передовых статей «часто сходит с пьедестала публициста и позирует перед публикой в роли трибуна, смело касаясь вопросов первой важности, политических и особенно внутренних, государственных», однако вместо взысканий предлагал ограничиться заявлением в «Северной почте». А вот журналу «Русское слово», опубликовавшему в октябре три статьи - «Новый тип» Д. И. Писарева, «О капитале» Н. В. Соколова и «Кяхта» Д. И. Стахеева, по представлению Петербургского цензурного комитета было объявлено первое предупреждение. Из записки Гончарова видно, что «статья «Новый тип» есть не что иное, как огромная рецензия на роман Чернышевского «Что делать?», исполненная страстного увлечения и глубокого уважения и к автору, и к его произведению». Согласился он с цензором, что в статье «О капитале» выражается «крайнее и пристрастное сочувствие к рабочим классам и озлобление против всех лихоимцев, т. е. капиталистов... Неодобрительно высказался и о статье «Кяхта», в которой изображается «всё торгующее в Кяхте купечество как сборище глупцов, невежд или плутов» .

Но в целом обстановка в Совете была для Гончарова невыносимой, и 23 декабря, по словам Никитенко, он поведал ему об этом «с крайним огорчением». И праздником становился вечер, когда Ивану Александровичу удавалось общаться с Майковыми, сходить со старыми друзьями в театр или читать в семье Никитенко драму графа Алексея Толстого «Смерть Иоанна Грозного», или принять у себя замечательного художника-портретиста Ивана Крамского, давно желающего написать его портрет.

В начале нового 1866 года Иван Александрович испытал серьёзные неприятности по службе из-за статьи И. А. Острикова «Остзейский край со стороны религиозной нетер-

[4] *Там же. С. 42.*

[5] *Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. Л. , 1980. С. 311.*

[6] *Там же. С. 313.*

[7] *Большая энциклопедия. Под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1904. Т. 18. С. 485.*